

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОНИМАНИЯ И РЕФЛЕКСИИ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОМ КОНТЕКСТЕ ТОЛКОВАНИЯ

Аида ТЮКМАЕВА

*доктор философии PhD по философским наукам, преподаватель
кафедры «философия и основы духовности» Национального
Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека*

*E-mail: luxin.tenebris@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2497-2248*

Аннотация: В представленной статье автор обобщает герменевтический опыт понимания и рефлексии знаково-символических систем в интерсубъективном контексте толкования, являющихся ключевым аспектом исследования в области гуманитарных наук. В рамках используемого интерсубъективного подхода к толкованию, учитывается важность взаимодействия и коммуникации между субъектами, их совместного конструирования смысла и интерпретации, направленных на понимание процессов взаимодействия смысла и знаков в различных культурных и социальных контекстах, а также на изучение влияния интерсубъективных отношений на специфику и семантику толкования.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, рефлексия, знаково-символические системы, интерсубъективный контекст, толкование, смысл, субъект, интерпретация, коммуникация, текст, контекст, восприятие, социокультурный опыт.

ВВЕДЕНИЕ

Интерсубъективность как проблема герменевтического дискурса является одной из актуальных и сложных проблем достижения подлинного понимания, поскольку устанавливающиеся в процессе интерпретации субъект-объектные взаимодействия требуют осуществления полной теоретической реконструкции специфики интерсубъективистских отношений. Для полного понимания данной проблематики необходимо прояснить смысл используемых понятий и значений, формирующих категориальный аппарат философской герменевтики. Возникновение понятия «интерсубъективность» относится к философской традиции XX в. и получает широкое распространение в аналитической философии Рудольфа Карнапа и в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Понятие «интерсубъективности» представляется Карнапом в качестве определенного интеллектуального источника, выступающего катализатором физикализма как важнейшего онтологического принципа.

МЕТОДОЛОГИЯ

В работе использованы методы сравнительного анализа различных подходов: герменевтический метод, дескриптивный метод, метод историзма, а также принципы объективности, систематизации, логичности и преемственности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В процессе разработки Гуссерлем направления трансцендентальной феноменологии в понятии «интерсубъективность» усматривается проблема, вытекающая из сложности конституирования сущностей как сознательных

субъектов. Гуссерль в своем труде «Картезианские медитации» подчеркивает, что «интерсубъективности предшествует любой объективности мира и несет в себе эту объективность» [1]. Преодоление картезианского субъективизма позволило рассмотреть феноменологию с позиции анализа языка как главного препятствия к подлинному пониманию смысла философского текста в процессе применения базовых герменевтических процедур. Проблема философии языка, отражается в его конститутивном характере его выражения и проявления вещей объективного мира, явленных в универсальных закономерностях развития и взаимодействия природы и человека, а также процессов коммуникации, входящих в русло лингвофилософской проблематики. Если Карнап уделяет пристальное внимание анализу пропозиционального языка – формализованного языка, рассматривающего логико-структуралистские основания высказываний, то Гуссерль актуализирует проблему, содержащуюся в метафизике коммуникационного акта как новой онтологической линии. Поскольку интерсубъективность служит источником решения картезианской проблематики, и обращается в единственную примордиальную область действительности, постольку решительно меняется специфика подхода к ее рассмотрению. Сложность понимания проблемы интерсубъективности ссылает к парадоксу восприятия «Другого», выступающего в качестве феномена, конституированного посредством имманентных свойств «Я», однако также представленного в качестве трансцендентального субъекта, конституирующего действительность, где «Я» является ее составной частью. Осознание данного парадокса позволяет констатировать замкнутый характер интерсубъектив-

ного восприятия в процессе осуществления герменевтических процедур, где «Другой» представлен в качестве автора, а «Я» - герменевта. Гуссерль пытается разрешить данную проблему посредством обращения к процедуре «феноменологической редукции» [2]. Суть феноменологической редукции как центрального понятия философии Эдмунда Гуссерля заключается в освобождении сознания от «естественной установки», вынесением за скобки принципов сциентизма, опирающихся исключительно на натуралистическую установку интерпретации и понимания.

В формулировке Гуссерля феноменологическая редукция представляет собой совокупность различных редукций, к которым относится «феноменолого-психологическая, эйдетическая и трансцендентальная» [3]. Требование перехода от натуралистической призмы к трансцендентально-феноменологической составляет инструментальное ядро данного методологического принципа. Акцент в пользу исключительно сознательных переживаний, с последующим анализом воспринимаемых сознанием феноменов как чистых сущностей, абстрагированных от своего материалистического источника, позволяет раскрыть «чистое сознание», раскрывающая его нозитико-нозматическую структуру, которая, по Гуссерлю, «конституируется как [нечто] имманентное» [4]. Проясняя значения феноменологической терминологии, представленных в понятиях ноззиса и нозмы, следует подчеркнуть, что в феноменологической традиции Гуссерля следует их рассматривать как специфические понятийные структуры, посредством которых сознание анализируется, исходя из его существенных структурных моментов. Таким образом, сознание анализируется в качестве интенционального, на-

правление которого ориентировано на предмет, который, в свою очередь, является сознанию в вариативности способов его данности, приобретая свое собственное содержание и бытие в результате его конституирования. Если Ноззис представляет собой момент интенционального воплощения актов сознания и включает в элементы ощущения и смыслообразования, то Нозма выражается как интенциональный коррелят ноззиса, обеспечивающего вложение в интенцию содержания восприятия «особого рода измерения коррелятивных нозетических и нозматических модификаций» [5].

Поскольку целью герменевтики является извлечение подлинного смысла философского текста с помощью привлечения интерпретационных инструментов, феноменологическая составляющая высказывания, схваченная сознанием в процессе толкования, претерпевает процедуру последовательной реконструкции, осуществляемой посредством специфической философской рефлексии. Нарушение семантической составляющей устойчивых ранних связей, детерминируемых перманентным возрастанием накопленного философского опыта, позволяет обнаружить конфликт между системой смыслообразующих понятий и категорий.

На наш взгляд, проблема понимания смысла философского текста отсылает к необходимости анализа герменевтического опыта, характеризуемого трансмиссией исследуемых предметов от точки индивидуального сознания до их универсального горизонта значений. Поскольку процесс понимания являет себя в качестве системы интенциональных переживаний, постольку, опыт Другого, обращенный в своей экспликации на самого себя, становится «мерой трансцендентальной

субъективности, позволяющей преодолеть герменевтический барьер между автором и герменевтом» [5]. Именно поэтому Гуссерль в Картезианских размышлениях стремится очертить границы потенциальности, придав феноменологическому эскизу статус предметной данности сознания, на которую и необходимо обратить пристальное внимание в процессе герменевтического анализа. Смещение поля умозрения с индивидуалистического аспекта интерпретации к интерсубъективному, затрагивает проблему интенциональности как атрибута сознания, раскрывающего потенциальную возможность постижения исходного феноменологического каркаса предмета понимания – «соотнесенности с более ранним переживанием» [6]. Уточняя содержание понятия «интенциональность» в контексте феноменологического дискурса, наиболее релевантным определением является определение открытости и неопределенности горизонта, перед которым сталкивается герменевт. Этимологический анализ латинского слова «intentio», выражающее «намерение», и «стремление», является производными от возвратного глагола *tendo*, что обозначает «тянуть», «направлять». Источником тяготения в данном случае является не что-то эксплицитное и трансцендентное, а имплицитное – заключенное в самом себе. Взаимодействие субъекта и объекта интерпретации, таким образом, являются «натянутыми», то есть неустойчивыми, находящимися в зависимости от детерминант сознания. Интенциональность, таким образом, как субстанциональное ядро человеческого сознания, представляет собой перманентный акт множественного идентифицируемого единства, при котором оно отражено не как свойство экстраполяции процесса восприятия, а как неотъемлемое

условие всякого познавательного и герменевтического акта.

По нашему мнению, подобная ситуация содержит в себе претензию не только в адрес философской герменевтики, но и гносеологии в целом, поскольку достижение подлинного смысла упирается не только в вышеописанные проблемы поиска универсального методологического инструментария, но и в прояснения природы неизменных условий интенциональности сознания, и являющегося в данном конкретном случае субститутутом познаваемого смысла.

В традиции диалектического экзистенциализма французского философа Жана Поля Сартра герменевтические пересечения обнаруживаются при анализе проблемы Другого, в качестве которого и выступает автор как источник предмета – текста интерпретации, который Сартр рассматривает «только в свете понятия другого интерпретируется опыт» [7]. Понятие интенциональности у Сартра, в классической манере, рассматривается в качестве некоторой направленности сознания на объект, где сознание есть трансценденция для-себя, выступающая как некоторый безличный акт, существование которого не нуждается в субъекте как таковом. Сознание, будучи трансценденцией для-себя подразделяется на бытие-в-себе и бытие-для-себя. Бытие-в-себе представляет собой особый вид феномена – неосознанного бытия, которое превосходит себя в отношении нашего знания его, не нуждаясь ни в чем для своего существования. В то время как бытие-в-себе актуализируется посредством неосознанности самого себя, бытие для-себя выступает в качестве отрицания бытия-в-себе, осознаваясь как «дефицит бытия, и предполагая бытие-для-другого» [8].

Таким образом, попытка разрешения феноменологической проблематики в философии Сартра предполагает требование прояснение статуса Другого и его отношения к Я, которые являются чрезвычайно неоднозначными.

Ярчайший представитель экзистенциальной феноменологии Морис Мерло-Понти в качестве исходного положения понимания предвосхищает не самосознание как таковое, а конституирующую роль телесности, представляющую собой основной источник постижения intersубъективных феноменов. Мерой сознания, в данном случае, является степень вовлеченности человека в мир, определяющегося характером его имплицитности. Понимание предмета, по мнению Мерло-Понти, детерминировано состоянием непреодолимой дистанции между видимым объектом и видящим субъектом, поскольку координация аппарата восприятия объекта находится в прямой зависимости от видящего – «принятой установкой трактовать всякое сущее в смысле «объекта как такового» [9]. Философ приводит пример восприятия и понимания семантического ядра предмета в контексте постижения живописи, где художник выступает в качестве определенного направления зрения – конституирующего смысл источника, раскрытие которого аналогично восстановлению контакта между видимым и видящим.

На наш взгляд, подобный подход философа отвечает специфике методологической процедуры герменевтического круга, где подлинное восприятие предмета невозможно без адекватного восприятия встроенных условий – частей, выражающихся в сумме вещей, а именно условий. Именно поэтому философ акцентирует внимание на восприятии человеком не абстрагированных объектов

действительности, а их совокупности – интертекстуальности и intersубъективности, выражаемых в восприятии сложных взаимосвязанных друг с другом сцен. Таким образом, понимание напрямую объекта герменевтического анализа связано от холистической артикуляции, а именно в умении классифицировать представленную континуально-иррационалистическую картину восприятия авторского текста на отдельные элементы-нарративы. Признание неопределимой пропасти между видимым и видящим обращается также в проблему установления межличностной коммуникации, радиус понимания которых ограничивается самим конституированием между постигаемым и постригающим.

Требование в пользу независимости интерпретации от сознания как критерия объективности суждений, представленное Гуссерлем в качестве конститутивного восприятия действительности начала, является важнейшей единицей измерения действительности как таковой. Процесс познания и толкования мира ограничен пределами собственного сознания, которое при соприкосновении с опытом Другого, являющегося для последнего трансцендентным, позволяет вырваться за пределы индивидуальной замкнутости сознания – «интенционального предмета как такового» [2]. Более подробное развитие представленной проблематики мы обнаруживаем в феноменологической традиции Эммануэля Хуссерля, постулирующего переход от представлений, при которых трансцендентные коннотации действительности, представляемые в контексте наиболее объективных и аподиктически состоятельных оснований, в пользу первичной трансцендентности, выражаемой инвентарем собственного феноменологического опыта. Та-

ким образом, интерсубъективность, в представленном контексте, выступает в качестве интегрального компонента, аккумулирующего внешний феноменологический опыт, недоступный в своей самобытности отдельному Я. Только при построении общей интерпретации в интерсубъективном контексте толкования, представляется возможным обнаружить феноменологическую инаковость восприятия и понимания действительности как объекта герменевтического дискурса. На наш взгляд, представленный подход вполне сообразен феноменологической линии Мерло Понти, усматривающего в данной подходе преобладание солипсических детерминант, пытаясь продемонстрировать действительности средствами существования Другого, задающего его объективность ввиду поливариативности исследовательских призм в системе «Я-Другой-Мир» [10]. Концепция феноменального тела, предложенное Мерло Понти занимает в данном случае магистральную позицию в противовес инструментальной концепции тела Гуссерля, не усматривающего феноменологическую первичность последнего в качестве задающего направление источника.

Поскольку философ уравнивает понятия восприятия и сознания, так как первое в процессе предварительной познавательной деятельности является, одновременно вторым, постольку у нас не существуют индикаторов, указывающих на то, что в конкретном случае признается в качестве идеи, а также материи. Из этого следует, что материя выступает не в контексте чего-то единичного, а в рамках вовлеченности в множественность каузальных связей, где обращается в носитель идеи как такой. Опыт знания и понимания мира, таким образом, разворачивается в рамках аспекта

пространственности, где исходная линия закреплена в бинарной оппозиции субъективного и интерсубъективного модуса понимания.

Проводя параллели между взглядами Мерло Понти с концептуальными установками Эдмунда Гуссерля, становится очевидным, что мир обнаруживается не только как феномен индивидуального эго, но и другого трансцендентального, воспринимающего и созерцающего тот же спектр действительности. Важно отметить, что несмотря на постижение и понимание мира первым и вторым не исключает фактор его объективности и единичности, он является чуждым по отношению восприятия Я и Другого, что Гуссерль и обозначает в качестве интерсубъективности. Таким образом, проблема постижение смысла философских текстов в интерсубъективном аспекте понимания отражает соотношение трансцендентально-редуцированного модуса собственного восприятия действительности с Другим, явленного для «Я как нечто чуждое и инаковое» [3]. Например, в отличие от Гуссерля, Гадамер рассматривает интерсубъективный характер понимания в форме диалога, вбирающего в себя представителей различных эпох, что выводит на передний план роль историко-философской и культурологической традиции. Встроенность герменевта в определенный историко-культурологический контекст создает особую герменевтическую ориентацию, раскрывающейся в рамках коммуникативных взаимодействий представителей иной исторической парадигмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении необходимо констатировать, что картезианская эгоцентрическая призма, содержащая в себе

принципы методологического солипсизма, предвосхитила зарождение феномена интерсубъективности как в рамках онтологической, так и гносеологической проблематики. Осмыслив основные положения картезианского повествовательного образа восприятия и понимания действительности Эдмунд Гуссерль и Жан Поль Сартр ясно предпринимают попытку разрешения данной проблемы, сохраняя базисные установки картезианских представлений. Стремясь преодолеть специфику картезианских положений интерсубъективизма в восприятии и понимания действительности, Мартин Хайдеггер дискредитируют последнее посредством внутренней экспликации онтологических детерминант человеческого бытия, зиждущегося на формуле «его cogito». Продолжение представленной критики обнаруживается также в философской традиции Гадамера, который в отношении проблемы понимания в контексте его интерсубъективности усматривает в феномене «предпонимания», в котором заключен

весь ретроспективный исторический опыт человеческого сознания. На наш взгляд, именно с начала XX века, интерсубъективность как феномен понимания претерпевает серьезные метаморфозы, соприкасаясь с критикой со стороны представителей постмодернизма, где ведущая роль в решении отводится специфике языковых конструкций. Идеи позднего Витгенштейна, в частности отказ от позиции «логического атомизма» как стремления математизации и демаркации понятий в систему строгих единиц измерения логики, кардинально изменили взгляд не проблеме интерсубъективности понимания. Жак Деррида, Ричард Рорти и Юрген Хабермас выносят за скобки определяющее значение традиции, что на наш взгляд является чрезвычайно опрометчивым шагом, поскольку воздействие культурного контекста совершенно очевидно усматривается не только в достоверном восприятии и понимания действительности, но и в траектории развития всей западноевропейской цивилизации как таковой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуссерль Эдмунд. (2010) Картезианские медитации. М.: Академический проект.
2. Гуссерль Эдмунд. (1994) Собрание сочинений. Феноменология внутреннего сознания времени // Издательство: Гнозис ЛОГОС Москва: Т. I.
3. Гуссерль Эдмунд. Феноменология: [Статья]; (1913) Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1.
4. Гуссерль Э. (1999) Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. // ДИК. Т. 1. – Москва.
5. Гуссерль Эдмунд. (2004) Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. // Издательство: «Владимир Даль». – Москва.
6. Гуссерль Эдмунд. (2001) Картезианские размышления. // Издательство: Наука, Санкт-Петербург.
7. Сартр Ж.-П. (2003) Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Издательство: Логос. № 2.
8. Кузнецов В.Н. (1970) Сартр и экзистенциализм. – Москва.
9. Мерло-Понти М. (1992) Око и дух. Издательство: Искусство. – Москва.
10. Мерло-Понти М. (1999) Феноменология восприятия. СПб.: Наука.

Aida Tyukmayeva

ANLAMAĞIN HERMENEVTİK TƏCRÜBƏSİ VƏ İŞARƏ-SİMBOLİK SİSTEMLƏRİN ƏSASLARI ŞƏRHİN İNTERSUBYEKTİV KONTEKSTİNDƏ

Xülasə

Məqalədə müəllif humanitar elmlər sahəsində tədqiqatın əsas aspekti olan şərhin subyektlərarası kontekstində işarə-simvolik sistemlərin dərk edilməsi və əks etdirilməsinin hermenevtik təcrübəsini nəzərdən keçirir. İstifadə olunan şərhə subyektlərarası yanaşma çərçivəsində müxtəlif mədəni və sosial kontekstlərdə mənə və işarələr arasında qarşılıqlı təsir proseslərini dərk etməyə yönəlmiş subyektlər arasında əlaqə və ünsiyyətin, onların mənə və şərhin birgə qurulmasının əhəmiyyəti nəzərə alınır, həmçinin subyektlərarası münasibətlərin şərhin spesifikliyinə və semantikasına təsiri öyrənilir.

Açar sözlər: hermenevtika, anlama, əks, işarə-simvolik sistemlər, subyektlərarası kontekst, şərh, mənə, mövzu, ünsiyyət, mətn, kontekst, qavrayış, sosial-mədəni təcrübə

Aida Tyukmaeva

HERMENEUTIC EXPERIENCE OF UNDERSTANDING AND REFLECTION OF SIGN-SYMBOLIC SYSTEMS IN INTERSUBJECTIVE CONTEXT OF INTERPRETATION

Abstract

This article examines the hermeneutic experience of understanding and reflecting on sign-symbolic systems within the intersubjective context of interpretation, a critical aspect of research in the humanities. The intersubjective approach to interpretation emphasizes the significance of interaction and communication between subjects, their collaborative construction of meaning, and the interpretation processes that explore the interplay of meaning and signs across diverse cultural and social contexts. Additionally, it considers the impact of intersubjective relations on the specificity and semantics of interpretation.

Keywords: hermeneutics, understanding, reflection, sign-symbolic systems, inter-subjective context, interpretation, meaning, subject, communication, text, context, perception, socio-cultural experience